

ОРЕНБУРГСКОЙ ГОРОДСКОЙ
28 ЮЛЬ 91
* ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ *

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VII.

МОСКВА.

1891.

ПРОВЕРЕНО
1856

ОРЕНБУРГСКОЕ
ЦЕНТРАЛЬНОЕ
БИБЛИОТЕКА

1945
11. 4008
5988
ПРОВЕРЕНО 1938 г.

2842

15
P. 881

99

Изъ исторіи волненій въ Оренбургскомъ краѣ *).

(Матеріалы для исторіи послѣдняго киргизскаго возстанія).

1869—1879 г. **).

(Посвящ. памяти Ол. Ив. Середы).

Послѣднее киргизское возстаніе, вспыхнувшее въ началѣ 1869 года, по поводу преобразованій въ управленіи Оренбургскою степью, навело насъ на мысль, прежде чѣмъ мы посвятимъ данному событію настоящую статью нашу, бросить бѣглый взглядъ вообще на тѣ скорбныя страницы нашей исторіи, которыя извѣстны въ литературѣ подъ именемъ политическихъ движеній народныхъ массъ, составляющихъ Русское государство.

Строгій анализъ этихъ печальныхъ явленій въ нашей политической жизни невольно убѣждаетъ въ томъ, что съ официальнымъ, такъ сказать, съ казеннымъ объясненіемъ причинъ болѣзней нашего государственнаго организма помириться невозможно. И въ самомъ дѣлѣ, что могутъ объяснить намъ тѣ поверхностныя, крайне близорукія и туманныя фразы и доводы нашихъ провинціальныхъ администрацій, которыми онѣ издревле привыкли объяснять всякій взрывъ народнаго неудовольствія по поводу какой-либо реформы, беззащитиво объясняя его лишь невѣжествомъ и неспособностью простаго народа вникнуть и оцѣнить смыслъ тѣхъ реформъ, которыми правительство старалось улучшить положеніе этого народа?

Но объяснять однимъ невѣжествомъ всякое проявленіе народнаго неудовольствія реформами, и, притомъ, такими, которыя должны были облагодѣ-

*) См. *Вѣстникъ Европы*, апрѣль и августъ 1868 г.; тотъ же журналъ, августъ и сентябрь 1870 г., августъ 1871 г.

**) Матеріалами для настоящей статьи послужили слѣдующіе источники: 1) дѣла канцеляріи генераль-губернатора, 2) особая неизданная записка о безпорядкахъ въ степи въ 1869 и 1870 гг., 3) брошюра г. Юр—ко *Событія въ степи Уральской области въ 1869 г.* (изд. *Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостей*), 4) *Событія въ Уральской области и Мангышлакскомъ приставствѣ въ 1869 и 1870 гг.*, соч. Корина, 5) *Событія въ Оренбургской степи*, *Русскій Инвалидъ* 1869 г. и 6) частныя записки и частныя корреспонденціи газетъ, въ которыхъ рассказывалось о ходѣ дѣлъ въ степи въ 1869 и 1870 гг.

тельствовать этотъ самый народъ,—могутъ только неисправимые рутинеры, хватающіеся за неразвитость массъ, какъ утопающій за соломенку, лишь бы свалить съ себя ту долю нравственной отвѣтственности и предъ правительствомъ, и предъ народомъ, которую они смутно сознаютъ и сами.

Вотъ это - то смутное сознаніе администраціей своей виновности въ народныхъ смутахъ, которое, помимо воли администраторовъ, проглядываетъ на каждой страницѣ безчисленнаго множества архивныхъ дѣлъ, заведенныхъ въ разное время, по поводу упомянутыхъ печальныхъ явленій нашей политической жизни, и внушило намъ мысль изслѣдовать ихъ съ тѣмъ вниманіемъ, какого онѣ вполнѣ заслуживаютъ по своей серьезности.

Ближайшимъ послѣдствіемъ такого изслѣдованія было вынесенное нами твердое убѣжденіе, что причинъ политическихъ движеній народа слѣдуетъ искать не въ народѣ и реформахъ, исходящихъ отъ высшаго правительства, а въ пріемахъ мѣстныхъ администрацій, въ неучастіи въ этихъ реформахъ самого народа и въ той канцелярской тайнѣ, которая до времени скрываетъ отъ массъ всякую подлежащую въ строѣ ихъ жизни переменѣ.

Для подтвержденія высказанныхъ сейчасъ мыслей мы не станемъ искать примѣровъ въ лѣтописяхъ до-петровскаго періода, но нарочно возьмемъ ихъ изъ исторіи народныхъ движеній первой половины текущаго столѣтія, когда Россія во внѣшнемъ отношеніи достигла апогея своего величія и когда внутренняя ея жизнь далеко не соответствовала этому внѣшнему блеску, что такъ убѣдительно и вмѣстѣ тяжело подтвердила крымская война, окончательно доказавшая, что страна давно и настоятельно требуетъ полнаго обновленія и широкихъ внутреннихъ преобразованій.

Возьмемъ, на примѣръ, эпоху учрежденія, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, министерства государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніе котораго поступили тогда всѣ бывшіе казенные крестьяне. Кому не извѣстно, что учрежденіе этого министерства преслѣдовало самыя благія цѣли: оно хотѣло дать народу голосъ, котораго онъ дотолѣ не имѣлъ, оно дало ему свой судъ и управленіе, гдѣ должны были засѣдать лица, выбранныя самимъ народомъ изъ его среды, — ну, словомъ, реформа эта была какъ бы преддверіемъ къ народному самоуправленію и самосуду, какіе были дарованы народу лишь въ 1861 году. Казалось бы, что такая благодѣтельная реформа должна была вызвать въ крестьянствѣ одно лишь пламенное сочувствіе къ себѣ и умиленіе предъ великостью ея цѣли, и, однакожъ, она не только не вызвала нигдѣ народной благодарности, но мѣстами была встрѣчена недоувѣріемъ, открытымъ озлобленіемъ и даже явнымъ мятежомъ. Вообще, реформа эта, неумѣло проведенная въ народную жизнь, достигла, въ концѣ-концовъ, результатовъ, діаметрально противоположныхъ тѣмъ, которыхъ вправѣ было ожидать правительству, даруя народу эту реформу.

Кого же винить въ томъ, что народъ отнесся столь враждебно къ такому гуманному преобразованію? Конечно, менѣе всего самый народъ и его невѣжество, а канцелярскую тайну и неумѣлость или нехотѣніе плохихъ исполнителей воли высшаго правительства.

Канцелярская тайна искони отличалась тою особенностью, что всегда, ревниво скрывая суть дѣла отъ заинтересованной массы, она, въ то же время, въ лицѣ особъ, близко къ ней стоящихъ, давала чувствовать обществу, что эти жрецы различныхъ тайнъ готовятъ для народа сами или по инициативѣ сверху какую-то реформу, имѣющую облагодѣтельствовать темныя массы престопадаря въ самомъ непродолжительномъ времени. Но въ чемъ должно было заключаться это облагодѣтельство, никто не вѣдалъ, потому что администрація, заигрывая съ обществомъ, для вящаго интереса, говорила намеками и полуфразами о предстоящей реформѣ, умалчивая о самой сути дѣла.

Вотъ это-то всеинтригующее умолчаніе властей и вызывало на размышленія и догадки разныхъ провинціальныхъ политикановъ, пытавшихся «своимъ умомъ» разоблачить тайны; политиканы эти, искони отличаясь колоссальною нелѣпостью своихъ измышленій и догадокъ при раскрытіи государственныхъ тайнъ, выдавали потомъ свои измышленія за непогрѣшимое свѣдѣніе о сути предстоящей реформы, распространяя, такимъ образомъ, въ обществѣ «нелѣпые толки», ни мало не думая о послѣдствіяхъ. Между тѣмъ, толки эти, переходя изъ устъ въ уста, достигали, наконецъ, въ самомъ искаженномъ видѣ народнаго уха и заранѣе воспитывали въ народѣ враждебныя чувства къ предстоявшей реформѣ. Это послѣднее обстоятельство въ свою очередь давало мѣстнымъ администраціямъ возможность обвинять въ народномъ броженіи несуществовавшую въ дѣйствительности особую корпорацію политическихъ агитаторовъ, возбуждавшихъ народныя страсти разглашеніемъ нелѣпыхъ толковъ. Но при этомъ въ донесеніяхъ всегда умалчивалось о тѣхъ мѣрахъ, какія принимались властями для разсѣянія заблужденій массъ. Умалчивалось объ этомъ, очевидно, потому, что, въ сущности, никакихъ мѣръ принимаемо не было, ибо простое, своевременное ознакомленіе народа съ сутью предстоявшаго преобразованія не оставило бы мѣста для доступа въ крестьянскую среду «нелѣпыхъ толковъ», получившихъ современемъ гражданственность въ административной практикѣ, какъ средство весьма полезное въ извѣстныхъ случаяхъ; разумное же исканіе дѣйствительныхъ виновниковъ этихъ смуть показало бы, что эти «злудѣи Русской земли» суть никто иные, какъ тѣ мелкіе чиновники, которыми доднесъ переполнены разныя канцеляріи и другія присутственныя мѣста въ губерніяхъ.

Такъ какъ обвиненія, взводимыя нами на провинціальную администрацію, слишкомъ серьезны, то, чтобы они не показались голословными, мы приведемъ сейчасъ тотъ рядъ историческихъ фактовъ, изслѣдованіе которыхъ привело насъ къ изложенному заключенію.

Вотъ для примѣра нѣсколько эпизодовъ изъ исторіи народныхъ смуть въ Оренбургскомъ краѣ, которыми онъ такъ богатъ, въ концѣ тридцатыхъ и въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія. Такъ, въ 1843 году вспыхнулъ бунтъ челябинскихъ государственныхъ крестьянъ по поводу превратныхъ толковъ о передачѣ этихъ крестьянъ въ вѣдѣніе ми-

Министерства государственныхъ имуществъ. Въ апрѣльской книжкѣ *Вѣстника Европы* за 1868 годъ мы посвятили этому любопытному событію особую статью и потому считаемъ излишнимъ обременять вниманіе читателей повтореніемъ всѣхъ подробностей этой характерной смуты, но лишь напомнимъ, что первыя волненія обнаружались сначала въ сосѣдственныхъ Челябинскому уѣзду—Камышловскомъ и Шадринскомъ уѣздахъ Пермской губерніи, куда впервые проникъ слухъ о «закрѣпленіи тѣхъ уѣздовъ за баринами».

Пермская администрація не принимала никакихъ своевременныхъ мѣръ къ разсѣянію этого слуха; новое крестьянское начальство тоже не обратило должнаго вниманія и мятежъ возгорѣлся. Что же дѣлали оренбургскія власти въ то время, когда въ сопредѣльной губерніи мятежъ простаго народа разгорался съ часу-на-часъ все сильнѣе, пока, наконецъ, не былъ прекращенъ военною силою? Принимались ли какія-нибудь мѣры къ тому, чтобы отъ тѣхъ же «нелѣпыхъ толковъ» не вспыхнулъ бунтъ въ Челябинскомъ округѣ, какъ ближайшемъ къ волновавшимся мѣстностямъ?... Что никакихъ мѣръ въ этомъ отношеніи подлежащими властями заблаговременно принимаемо не было, доказательствомъ тому служить грустный фактъ возстанія 1843 года, когда и Челябинскій уѣздъ, въ назиданіе потомству, позналъ горькимъ опытомъ, что значитъ вѣрить всякому вздору, отъ котораго зарождались на Руси многія смуты. Ибо тамъ, гдѣ начальство отнеслось къ сосѣдственному броженію умовъ съ должнымъ вниманіемъ, послѣшая предупредить возможность возникновенія подобныхъ беспорядковъ у себя, какъ то сдѣлалъ испр. долж. тобольскаго губернатора М. В. Ладыженскій, тамъ волненія эти не появлялись. Кто же виноватъ въ томъ, что челябинцы бунтовались, а курганцы (уѣздъ Тобольской губ.) остались равнодушными къ нелѣпымъ толкамъ, смутившимъ ихъ сосѣдей?

Челябинскій бунтъ 1843 года скоро былъ прекращенъ военною рукою и крестьяне подчинились новому порядку вещей; но этимъ, т.-е. одною экзекуціей, и заключились всѣ мѣропріятія оренбургскаго начальства. Никто изъ умиротворителей не принялъ на себя труда объяснить крестьянамъ, за что именно они были наказаны: за то ли, что повѣрили лживымъ толкамъ болѣе, чѣмъ установленнымъ надъ ними властямъ, или за то, что вздумали отбиваться отъ барина, «ѣхавшаго къ нимъ въ золотой бочкѣ».

Это обстоятельство поселило недоумѣніе въ крестьянахъ, продолжающихъ доселѣ съ увѣренностью утверждать, что если бы не ихъ бунтъ въ 1843 г., то быть бы имъ барскими *). Немногихъ изъ болѣе разумныхъ мужиковъ удалось мнѣ разубѣдить въ заблужденіи, большинство же стояло на своемъ,—такъ глубоко пустило корни это убѣжденіе, не излеченное въ свое время.

*) „Дорого стоило намъ, ваше благородіе,—говорили мнѣ челябинскіе мужики, когда я разспрашивалъ ихъ о бунтѣ,—и больно тяжело пришлось, много въ тѣ поры по острогамъ и подъ розгами поумирали,—царство имъ небесное!—за то, благодареніе Господу, отъ тяжелой неволи ослобонились“.

А неразборчивое наказаніе правыхъ и виноватыхъ, участвовавшихъ и не принимавшихъ участія въ бунтѣ, въ свою очередь также не могло удовлетворить крестьянъ. Впослѣдствіи оба эти обстоятельства повели къ новымъ толкамъ и разсужденіямъ о только что пережитомъ фактѣ. Сначала крестьяне пришли къ заключенію, что дѣло это еще не окончено, что оно по своей важности подвергнется новому разбору; затѣмъ, къ этимъ предположеніямъ присоединились слухи о томъ, что для справедливаго рѣшенія дѣла о бунтѣ 1843 года пріѣдетъ въ Челябинскій уѣздъ кто-либо изъ особъ царствующаго дома, — «царевъ сродникъ», какъ говорили крестьяне, которому и намѣревались они подать просьбу на несправедливость къ нимъ мѣстнаго начальства.

Въ это самое время, когда, возбуждаемый тревожными слухами и сочувствіями, народъ готовъ былъ принять на вѣру всякую несообразность, отвѣчающую хоть сколько-нибудь его надеждамъ и желаніямъ, — какой-то безвѣстный бродяга, назвавшись великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, объявилъ о себѣ, что онъ прибылъ въ уѣздъ для правильнаго рѣшенія дѣла о бунтѣ, согласно съ желаніемъ недовольныхъ. Едва уловившееся броженіе народа съ появленіемъ самозванца готово было снова разразиться грозой, но, къ счастью для крестьянъ, на этотъ разъ, вслѣдствіе скоро принятыхъ мѣръ, бродяга-самозванецъ долженъ былъ поснѣжно оставить уѣздъ и тѣмъ избавилъ челябинскихъ простодушныхъ мужиковъ отъ тяжелой административной кары за новое неповиновеніе. Едва ли кто будетъ оспаривать, что эти новые беспорядки, грозившіе стотысячному населенію уѣзда новыми бѣдами, были вызваны никѣмъ инымъ, какъ оренбургскими властями, не доведшими дѣло умиротворенія до конца и послужившими причиной сначала «нелѣпныхъ толковъ», а потомъ и появленія самозванца.

Въ томъ же 1843 году вспыхнуло возстаніе въ селеніяхъ новообращенныхъ въ козачество крестьянъ. Причины, вызвавшія это волненіе, слѣдующія. Когда создавалась, по проекту генералъ-адъютанта Перовскаго, новая Оренбургская линія, то высшимъ правительствомъ было предоставлено жителямъ тѣхъ селеній, которыя должны были войти въ проектируемую линію, буде они не пожелаютъ записаться въ козаки, право переселиться на особо отведенныя для нихъ земли, если не ошибаемся, въ Бузулукскомъ уѣздѣ нынѣ Самарской губерніи. Бывшій въ то время гражданскимъ губернаторомъ Талызинъ, желая, вѣроятно, отличиться, счелъ возможнымъ умолчать о дарованной Государемъ льготѣ и объявилъ кратко, что жители тѣхъ селеній, гдѣ должна была пройти линія, поступаютъ въ козаки.

Сначала мужики безропотно и безпрекословно покорились этому распоряженію, но какъ скоро въ массу проникъ слухъ, что она обманута, что Государь предоставлялъ не желавшимъ идти въ козаки право переселенія, — козаки возмутились, прогнали своихъ полковыхъ командировъ и открыто требовали возвращенія имъ высочайше предоставленныхъ правъ высела на новыя мѣста.

А какъ требованіе это шло въ разрѣзъ съ тѣмъ донесеніемъ, какое, на основаніи заявленій Талызина, было сдѣлано въ Петербургъ, то военный губернаторъ Обручевъ призналъ за лучшее задавить волненіе военною силой, и крестьяне, противъ воли и вопреки правъ своихъ, должны были подчиниться новому порядку вещей.

Участіе мелкаго чиновничества въ массовыхъ движеніяхъ также не трудно доказать, какъ и косвенное участіе въ нихъ провинціальныхъ администрацій. Въ 1872 г. въ практикѣ крестьянскихъ мировыхъ учрежденій, въ томъ же Челябинскомъ уѣздѣ, одному изъ мировыхъ посредниковъ пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ такимъ участіемъ чиновниковъ въ народномъ волненіи. Дѣло происходило въ имѣніи г. Качко, гдѣ крестьяне не хотѣли принимать надѣла на томъ основаніи, что они имѣютъ у себя «царскій указъ», разрѣшающій имъ приписаться къ обществамъ государственныхъ крестьянъ. Мировой посредникъ, желая избѣгнуть крутыхъ мѣръ и не желая раздувать простаго недоразумѣнія въ бунтъ, хотя крестьяне волновались и никого не слушались, употреблялъ все усилія, чтобы покончить дѣло мирно; съ этою цѣлью имъ вычитывались на сходахъ все законоположенія, которыми опредѣлялся порядокъ перехода временно-обязанныхъ крестьянъ въ общества государственныхъ; но все старанія его были напрасны. Крестьяне стояли на одномъ, что они имѣютъ указъ, котораго у посредника нѣтъ или который онъ скрываетъ отъ нихъ, и только послѣ напряженныхъ усилій и увѣщаній рѣшились показать посреднику этотъ любопытный документъ, оказавшійся циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, подтверждавшимъ тотъ самый порядокъ, о которомъ только что толковали и читали на сходахъ. Когда, наконецъ, посреднику удалось убѣдить крестьянъ сличеніемъ, чрезъ избраннаго ими грамотѣя, что ихъ указъ совершенно тождественъ съ тѣмъ закономъ, который онъ имъ читалъ, тогда крестьяне, понутивъ голову, сознались, что ихъ обманулъ неизвѣстный чиновникъ, дорого продавшій имъ указъ въ то время, когда они ѣздили въ г. Курганъ; при этомъ мужики говорили, что этотъ чиновникъ продалъ имъ указъ на базарѣ и, не читая всего указа, прочелъ имъ только сбоку, гдѣ вкратцѣ было означено содержаніе циркуляра тагъ: «о припискѣ временно-обязанныхъ крестьянъ къ обществамъ крестьянъ государственныхъ». Циркуляръ этотъ, если не измѣняетъ намъ память, былъ вырванъ изъ дѣлъ курганской думы...

Мы привели здѣсь, правда, позднѣйшій случай, но сколько можно извлечь ихъ изъ архивныхъ дѣлъ недавняго прошлаго времени, гдѣ очень часто можно встрѣтить крестьянскія показанія, что возбудившую смуту бумагу получили они отъ неизвѣстнаго имъ чиновника! Наконецъ, сколько есть дѣлъ въ архивѣ канцеляріи оренбургскаго военнаго губернатора, заведенныхъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, озаглавленныхъ весьма характерно, напримѣръ, тагъ: *дѣло по донесенію челябинскаго земскаго исправника о нампреніяхъ челябинскихъ и шадринскихъ башкиръ воевать съ русскими и сжечь русскія поселенія!* Въ большинствѣ случаевъ, все дѣло оканчивалось перепиской, но иногда въ распоряженіе исправника

давались команды для усмиренія бунта, созданнаго его воображеніемъ и корыстнымъ поползновеніемъ поживиться на счетъ не подвѣдомственныхъ ему башкиръ, имѣвшихъ свое начальство.

Впрочемъ, все, что мы говорили выше, всецѣло принадлежитъ первой половинѣ текущаго столѣтія; съ тѣхъ поръ Россія далеко шагнула впередъ: правительство признало за народомъ безспорное знаніе своихъ нуждъ и быта лучше всякихъ администрацій и призвало всѣ классы народа въ земство, для устройства общими усиліями своего быта на лучшихъ началахъ; печать получила право обсуждать проекты государственныхъ реформъ, стало быть, на дѣлѣ канцелярской тайны въ отношеніи народнаго быта не существуетъ болѣе. Слѣдовательно, при такихъ обстоятельствахъ, взрывъ народнаго неудовольствія по поводу реформы, гдѣ бы въ данное время онъ ни произошелъ, представляется намъ явленіемъ загадочнымъ, какимъ-то анахронизмомъ, разгадать который возможно лишь предварительно разрѣшивъ слѣдующіе вопросы: участвовала ли провинціальная администрація въ общемъ ходѣ русскаго прогресса за послѣдніе десятилетия и измѣнила ли она сообразно духу времени свой взглядъ на свою задачу, т. е. на систему управленія народомъ и на самый народъ? Или, по-прежнему, чуждаясь умственного движенія, охватившаго все русское общество, администрація эта пребывала вѣрною взглядамъ и убѣжденіямъ государственныхъ дѣятелей, жившихъ и дѣйствовавшихъ болѣе полувѣка тому назадъ?

Пусть на эти важные вопросы отвѣтитъ намъ исторія послѣдняго киргизскаго возстанія.

I.

Мысли о преобразованіи управленій Киргизскими степями. — Работы комиссіи с. с. Буткова и заключенія о нихъ г.-ад. Безака. — Подвижная комиссія д. с. с. Гирса. —
Участь мнѣній А. П. Безака и сенатора Левшина.

Оренбургская степь, по своему географическому положенію, составляетъ ближайшую часть Азіи, примыкающую къ Европейской Россіи.

Зависимость свою отъ Россіи киргизы признали лишь въ 1732 году, когда Абдуль-Хаиръ, ханъ меньшей Киргизской орды, тѣснимый джунгарами, башкирами и калмыками, просилъ защиты Россіи, отдаваясь въ ея подданство.

Въ сосѣдство же съ киргизами, впоследствии вошедшими въ оренбургское вѣдомство, мы стали 300 лѣтъ тому назадъ, непосредственно за покореніемъ Астраханскаго царства и почти одновременно съ началомъ занятія нами Сибири.

Но въ то время, когда въ эти 300 лѣтъ мы успѣли продвинуться вдоль всей Сибири на 6,000 верстъ къ востоку до самаго океана, постепенно занимая это огромное пространство не только военными постами, но и своими поселеніями, въ Оренбургскомъ краѣ мы придвинулись только на

400 верстъ отъ Волги и до сихъ поръ со своею колонизаціей стоимъ на р. Уралѣ. За этимъ рубежомъ мы имѣемъ лишь нѣсколько, и то въ недавнее время возникшихъ, небольшихъ военныхъ постовъ, съ самыми ничтожными при нихъ выселками, признать которые за признакъ нашей колонизаціи въ степи положительно было бы болѣе чѣмъ странно. Въ западной же части Оренбургской степи до послѣдняго времени не было даже и нашихъ укрѣпленій; ничтожный Эмбенскій постъ (съ гарнизономъ въ 100—150 человекъ), расположенный при рѣкѣ Эмбѣ, стоялъ уединенно у восточнаго ея края и, конечно, не могъ охранять обширное пространство.

Между тѣмъ, Оренбургская степь во все время имѣла весьма важное значеніе для русскихъ въ торговомъ отношеніи, такъ какъ ее прорѣзываютъ пути, по которымъ издавна совершалась, да и нынѣ происходитъ, большая часть торговыхъ операцій нашихъ въ Средней Азіи.

Такая странная неподвижность наша относительно колонизаціи Оренбургской степи произошла не вслѣдствіе ничтожности значенія этой окраины для Россіи въ политическомъ отношеніи, ибо одно положеніе этой страны на прямомъ пути въ Среднюю Азію придаетъ ей особую важность; а также не потому, чтобы условія самой мѣстности препятствовали колонизаціи, для которой сѣверная половина степи представляетъ все удобства (здѣсь, правда, нѣтъ лѣса, но за то есть хорошія земли и нѣтъ недостатка въ водѣ и только въ южной половинѣ, прилегающей къ Усть-Урту и къ пескамъ каракумскимъ, физическія условія дѣйствительно становятся крайне неблагоприятными для осѣдой жизни). Неподвижность эта не объясняется и никакою внѣшнею причиною, потому что и здѣсь мы имѣли дѣло съ такими же слабыми кочевыми племенами, какъ и въ другихъ частяхъ Киргизской степи. Причины этой вялости нашей колонизаціи, по нашему разумѣнію, кроются исключительно въ системѣ, которой придерживались почти все прежнія администраціи, завѣдывавшія Оренбургскимъ краемъ. Упомянутая система заключалась въ постоянномъ устраненіи себя отъ прочнаго занятія степи и отъ ея внутреннихъ дѣлъ, и во внѣшнемъ способѣ управленія киргизами чрезъ султановъ, родоначальниковъ и вообще туземцевъ, — словомъ, въ такъ называемой «пограничной системѣ», названіе которой хотя и не употреблялось официально съ сороковыхъ годовъ, но которая существовала на дѣлѣ до послѣдняго преобразованія.

Сущность устройства Оренбургской степи до реформы заключалась въ слѣдующемъ: вся степь дѣлилась на три части — восточную, среднюю и западную; каждою такою частью управлялъ султанъ-правитель, ставка котораго находилась при линіи. Внутри степи не существовало представителя или представителей собственно русской власти; аулы киргизъ завѣдывались или своими родоначальниками, или избранными султаномъ старшинами (дистаночными); областное правленіе находилось въ Оренбургѣ; расположенныя же среди степи укрѣпленія не имѣли никакого административнаго значенія.

Послѣдствіемъ такой системы управленія было то, что Оренбургская степь значительно отстала въ своемъ развитіи отъ степи сибирскаго вѣдомства. Въ то время, когда въ этой послѣдней положеніе наше стало прочнымъ, имѣлись уже города и селенія, учредилось правильное почтовое сообщеніе, установилась полная безопасность и т. д., въ Оренбургской степи, кромѣ нѣсколькихъ, упомянутыхъ нами, незначительныхъ фортовъ, колонизаціи не заведено, обезпеченныхъ средствъ сообщенія нѣтъ и все положеніе дѣлъ не твердо, вполне зависимо отъ случая, что такъ ярко подтверждается сначала бунтомъ Кенисары Касимова *), съ которымъ въ продолженіи 9 лѣтъ боролась оренбургская администрація, и только благодаря убіенію Кенисары дикокаменными киргизами, кое-какъ возстановила нѣкоторое вліяніе свое на степь, пока въ 1855 году снова не завязались въ ней смуты подъ руководствомъ Исета Кутебарова, бывшаго впоследствии помощника киргизскаго уѣзднаго начальника **). Такимъ образомъ, сто лѣтъ владычества нашего въ степи оказались почти безъ результата...

Въ шестидесятыхъ годахъ правительство наше обратило вниманіе на рѣзкое различіе въ состояніи степей оренбургскаго и сибирскаго вѣдомствъ и на разницу въ системѣ управленія киргизами, которой держались въ этихъ вѣдомствахъ, и признало, что управленіе степью требовало широкой реформы. Найдено было полезнымъ перестроить заново бытъ киргизскаго народа, ввести въ его жизнь больше гражданственности и поставить самый народъ въ болѣе правильныя отношенія какъ къ верховной власти и государству, такъ и къ мѣстной администраціи края. Тѣ начала, на которыхъ утверждалось управленіе подвластными намъ ордынцами, уже отжили свой вѣкъ; а различіе управленій Оренбургскаго края отъ Сибирскаго служило иногда поводомъ къ возникновенію разнаго рода недоразумѣній въ степи и препирательствъ двухъ администрацій, державшихся въ управленіи однимъ и тѣмъ же народомъ разныхъ системъ. Управленіе Сибирскою степью, съ тридцатыхъ годовъ, получило лучшее административное устройство, представляло болѣе залоговъ прочности нашихъ вліянія и власти на кочевниковъ, чѣмъ оренбургское. Послѣднее, нося характеръ чисто-пограничнаго управленія, въ дѣйствительности пользовалось нѣкоторымъ вліяніемъ лишь только на роды прилинейныхъ киргизъ, а затѣмъ сила нашего вліянія и прочность русской власти слабѣли по мѣрѣ удаленія отъ линіи въ глубь степи, и, наконецъ, на тѣ племена, что кочевали сопредѣльно съ среднеазиатскими ханствами, вліяніе Россіи становилось до такой степени ничтожнымъ, что племена эти фактически признавали свою зависимость отъ владѣльцевъ среднеазиатскихъ ханствъ, хотя и числились въ завѣдываніи оренбургскаго пограничнаго начальства.

Государственные платежи, взимаемые съ киргизъ обоихъ вѣдомствъ,

*) *Бунтъ Кенисары Касимова. Вѣстникъ Европы*, августъ и сентябрь 1870 г. и августъ 1871 г.

***) См. стат. *Послѣднія событія въ Киргизской степи. Русскій Инвалидъ* 1869 г., № 123.

также не имѣли между собою ничего общаго: такъ, въ Сибири подать, или ясакъ, взималась по числу головъ скота, а въ Оренбургской степи выплачивался кибиточный сборъ по 1 р. 50 к., установленный, впрочемъ, лишь въ 1836 году. Сборъ этотъ, находясь въ полной зависимости отъ обстоятельствъ чисто-случайныхъ, никогда не могъ быть заранее рассчитанъ и опредѣленъ въ извѣстную цифру.

Въ виду всего сказаннаго, правительство поручило особой комиссiи, подъ предѣлательствомъ статсъ-секретаря Буткова *), выработать новый уставъ для управленія находящимися въ подданствѣ Россiи киргизами.

Комиссiя эта, вполне добросовѣстно обозрѣвъ системы управленiя ордынскими племенами, какихъ держались въ то время въ Оренбургѣ и Сибири, пришла къ заключенiю, что обѣ изъ упомянутыхъ системъ имѣютъ каждая свои хорошия и дурныя стороны и что поэтому весьма трудно было бы, по мнѣнiю членовъ комиссiи, отдать которой-либо изъ нихъ явное предпочтенiе передъ другой, «но,—говорится далѣе въ запискѣ комиссiи,—при тождественности предметовъ занятiй обѣихъ администрацiй, разрозненность и безсвязность началъ въ управленiи однимъ и тѣмъ же племенемъ не можетъ имѣть благотворныхъ слѣдствiй для развитiя гражданственности полудикаго народа, не можетъ вселить ордынцамъ надлежащаго понятiя о силѣ и могуществѣ верховной власти и соотвѣтствовать видамъ правительства» **).

Поэтому, для достиженiя упомянутыхъ выше цѣлей, комиссiя статсъ-секретаря Буткова признавала необходимымъ замѣнить существовавшiя управленiя киргизами обоихъ вѣдомствъ радикальною реформой, которая, главнымъ образомъ, должна была заключаться въ томъ, чтобы, прежде всего, управленiе степями было сосредоточено въ однѣхъ рукахъ; затѣмъ, предполагалось, «подвергнувши критическому разбору результаты обѣихъ существовавшихъ тогда системъ, ввести постепенно, по возможности, *одинакия* начала администрацiи во всей Киргизской степи».

Признавалось также болѣе удобнымъ, вмѣсто существовавшаго (приведеннаго нами выше) дѣленiя степи на три области, раздѣлить ее на двѣ: *западную* и *восточную* Киргизскiя степи. Центры управленiя этихъ областей предполагалось перенести въ степь западной области, въ укрѣпленiе Оренбургское, расположенное при р. Жургаѣ, или иной пунктъ, и восточной—въ Сергiополь, Каракаралинскъ или иной пунктъ, по ближайшему соображенiю мѣстныхъ обстоятельствъ.

Такъ возникла сначала мысль объ образованiи степнаго генераль-губернаторства.

Такое мнѣнiе комиссiи, вмѣстѣ съ другими вопросами по устройству степи, было передано, согласно высочайшей волѣ, на заключенiе бывшаго

*) Управлявшiй сибирскимъ комитетомъ.

***) Записка с.-с. Буткова, присланная на заключенiе бывш. оренб. генер.-губерн. генер.-адъют. Безака.

оренбургскаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта Безака. Последний, въ письмѣ своемъ по этому поводу отъ 22 декабря 1864 года, за № 1975, высказываетъ слѣдующія мысли: «Я не могу одобрить системы управленія Сибирскою степью, — писалъ А. П. Безакъ, — на томъ основаніи, что она, вводя порядокъ, выработанный въ образованныхъ странахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ввела чиновничество и русскія формы судопроизводства, чуждыя понятіямъ и условіямъ жизни кочевниковъ». — Далѣе, отдавая предпочтеніе характеру пограничнаго управленія, каково было оренбургское, предъ административно-сибирскимъ, генераль-адъютантъ Безакъ признавалъ за лучшее: «дать киргизамъ устройство общественнаго управленія, примѣняясь къ началамъ высочайше утвержденного 19 февраля 1861 года положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, насколько это согласно съ обычаями кочеваго населенія». При этомъ покойный генераль-губернаторъ выражалъ мнѣніе, что реформа эта, послѣдовательно вводимая въ степи, начавъ съ прилинейныхъ киргизъ, въ теченіе 30—40 лѣтъ, приготовить ордынцевъ «къ принятію всецѣло формы управленія общей для прочихъ сословій имперіи».

Относительно же перенесенія центра управленія западной области (Оренбургской) изъ Оренбурга въ степь генераль Безакъ замѣтилъ, что нахождение центра управленія въ г. Оренбургѣ, на самомъ дѣлѣ, не такъ неудобно, какъ это кажется съ перваго взгляда.

«Въ пользу Оренбурга говоритъ, во-первыхъ, — писалъ генераль-губернаторъ, — то, что въ лѣтнее время къ линіи прикочевываетъ болѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ киргизъ оренбургскаго вѣдомства, которые (по мнѣнію А. П. Безака) уже свыклись съ этимъ мѣстонахожденіемъ ихъ главнаго управленія и никогда не заявляли (?) о неудобствѣ для нихъ расположенія областнаго правленія на окраинѣ степи, потому, вѣроятно, что во время лѣтнихъ кочевокъ всѣ они (ордынцы) всегда имѣли возможность не только заявлять областному правленію о своихъ нуждахъ и просьбахъ, но и въ большинствѣ случаевъ успѣвали получать удовлетвореніе, а, во-вторыхъ, и то обстоятельство, что степные пункты, указываемые въ запискѣ статсъ-секретаря Буткова, какъ самый лучший изъ нихъ — Оренбургское укрѣпленіе, такъ и еще менѣе подходящія для перенесенія въ нихъ центрального управленія степью, каковы, наприм., Уральское укрѣпленіе, фортъ Карабутакаскій и Эмбенскій постъ, рѣшительно не представляющіе никакихъ удобствъ ни въ физическомъ, ни въ другихъ отношеніяхъ, чтобы, какъ сказано выше, въ одинъ изъ нихъ можно было бы перенести центръ управленія, на что потребовался бы громадный расходъ, который, въ концѣ-концовъ, все же не далъ бы возможности достигнуть приспособленія названныхъ пунктовъ къ сколько-нибудь удобному размѣщенію въ нихъ центрального управленія».

Этимъ мнѣніемъ генераль-адъютанта Безака, очевидно, руководили экономическія убѣжденія; его можно оспаривать потому, что нахождение центра управленія внутри степи представило бы несомнѣнно болѣе удобствъ.

для управляемыхъ, чѣмъ нахожденіе главной власти на окраинѣ ея, вдали отъ жизни управляемаго народа, хотя этотъ народъ (по выраженію А. П. Безака, и не приносилъ официальныхъ жалобъ по начальству «о неудобствахъ для дальнихъ кочевниковъ обращаться съ своими нуждами къ управленію, отстоящему такъ далеко отъ ихъ кочевокъ». Можно даже сказать, что нахожденіе главнаго управленія на окраинѣ степи именно и было причиною того, что русскія власти и значеніе ихъ фактически признавались почти въ полуторавѣковое русское господство лишь ближайшими къ линіи киргизскими родами.

Относительно замѣны существующаго съ киргизъ оренбургскаго вѣдомства кибиточнаго сбора какимъ-либо другимъ видомъ подати генераль Безакъ высказался въ смыслѣ оставленія этого сбора въ томъ видѣ, какъ онъ есть, безъ всякихъ измѣненій, до тѣхъ поръ, пока получится возможность установить подать съ земли, взамѣнъ кибиточнаго сбора; даже и тамъ, по его мнѣнію, гдѣ, какъ въ Сибири (гдѣ уже существуетъ дѣленіе степи не только на округа, но и на волости), налогъ со скота взыскивается приблизительно, и, все-таки, въ точности не можетъ быть опредѣленъ. Указывая далѣе на то обстоятельство, что кибиточный сборъ возросъ въ послѣднее время до 250,000, Алекс. Павл. Безакъ находилъ возможнымъ увеличить кибиточную подать съ 1 р. 50 к. лишь до 2 р. 80 к.

Покойный генераль - губернаторъ находилъ еще нужнымъ увеличить власть управляющаго областью до предѣловъ власти, предоставленной губернатору, и затѣмъ въ заключеніе своей записки (по поводу проекта статсъ-секретаря Буткова) Безакъ призналъ рациональнымъ подчинить съ теченіемъ времени киргизскій народъ законамъ имперіи, не создавая для него собственно особаго положенія, такъ какъ, по убѣжденію Александра Павловича, всякое обособленіе известной народности, входящей въ составъ единаго Русскаго государства, какъ самой этой народности, такъ и внѣ Россіи даетъ чувствовать и напоминаетъ, что народность эта была втиснута силою въ русскую семью, съ которой она не имѣетъ ничего общаго, и что поэтому для нея создаются особые законы и положенія, имѣющіе ублажать или устрашать данную народность, лишь бы только, такъ или иначе, не выскользнула она изъ нашихъ рукъ...

Всѣ эти проекты, соображенія и замѣчанія, высказанныя разными мѣстами и лицами, для окончательныхъ работъ были переданы особой комиссіей подъ предсѣдательствомъ дѣйствительн. статскаго совѣтника Гирса. Комиссія эта должна была обозрѣть на дѣлѣ всѣ Киргизскія степи, познаться на мѣстѣ съ условіями жизни и обычаями кочевниковъ и своими практическими замѣчаніями и собранными свѣдѣніями имѣла восполнить тѣ пробѣлы, которые легко могли вкрасться въ прежнія работы по устройству на иныхъ началахъ киргизскаго народнаго быта и степной администраціи.

Когда комиссія эта окончила обозрѣніе степей и возвратилась съ собранными на мѣстѣ матеріалами для продолженія своихъ работъ въ Петер-

бургъ, тогда въ трудахъ ея принялъ дѣятельное участіе бывший тургайскій военный губернаторъ Л. Ф. Баллюзекъ.

Въ сожалѣнію, на мнѣніе генерала Безага новою комиссіей не было обращено должнаго вниманія, хотя оно въ частностяхъ имѣло несомнѣнныя достоинства истины и знанія народа и его жизни. Впрочемъ, какъ было слышно въ то время, не лучшая участь постигла и мнѣніе извѣстнаго автора *Киргизъ-кайсагыихъ орды*, сенатора Левшина, находившаго будто бы много недостатковъ и несовершенствъ въ повомъ проектѣ положенія о киргизахъ. Строго обвинять комиссію за это нельзя, ибо съ ея стороны было очень естественнымъ согласиться съ мнѣніемъ лицъ, стоявшихъ въ данное время ближе къ киргизскому народу, которыя поэтому могли имѣть болѣе современный и компетентный взглядъ на дѣло новаго преобразованія, чѣмъ лица, знавшія степь и ея населеніе въ минувшее время.

Н. Серeda.

(Продолженіе слѣдуетъ).